
Научная статья / Research Article

УДК 94(47).083

DOI: 10.36718/2500-1825-2024-1-214-228

Иван Иванович Воронов¹, Владимир Иванович Пантелейев²✉

¹ Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия

² Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

¹ ivan.voronov@mail.ru

² vpanтелейев@yandex.ru

ОЧЕРК О «КОРЕННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯХ» В ФИНАНСОВОЙ ПОЛИТИКЕ ЦАРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА И ПОПЫТКЕ СОЗДАНИЯ В РОССИИ ЦЕНТРОБАНКА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье в контексте Столыпинской аграрной реформы рассматривается вопрос назначения министром финансов П.Л. Барка. Важнейшим мотивом для того, чтобы влиятельный государственный деятель, главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин, непосредственно отвечавший за реализацию аграрной политики, всемерно продвигал П.Л. Барка по служебной лестнице, было его стремление расширить кредитование аграрного сектора экономики. Вместе с тем усматривается, что во взаимоотношениях между этими государственными сановниками могли иметь место скрытые личные корыстные мотивы. Показано, что лидеры мирового банковского сообщества конца XIX – начала XX в., представленные в первую очередь кланом Ротшильдов, выплачивали комиссионные представителям царского правительства при выдаче займов России. Авторы не исключают, что подобная практика имела место и в годы Первой мировой войны. Долговая зависимость страны от мировых банкиров в значительной мере усилилась, благодаря «коренным преобразованиям» финансовой политики, предпринятым П.Л. Барком на посту министра финансов и поддержаным Николаем II. Сухой закон, который проводил в жизнь П.Л. Барк, стал одной из причин возникновения и существенного увеличения дефицита государственного бюджета. В начале XX в. Россия являлась единственной из наиболее развитых стран мира, где не существовало полноценного Центробанка, как института формально национального, а реально выступающего в роли «банка банков», проводника интересов банкиров в денежно-кредитной политике. Это стало одной из причин возникновения проекта П.Л. Барка по преобразованию Государственного банка в Центробанк. Помешала реализации этого замысла и включению России в систему центробанков мира революция 1917 г.

Ключевые слова: А.В. Кривошеин, П.Л. Барк, ГУЗиЗ, Министерство финансов, Государственный банк, Центробанк, Первая мировая война

Для цитирования: Воронов И.И., Пантелейев В.И. Очерк о «коренных преобразованиях» в финансовой политике царского правительства и попытке создания в России Центробанка в годы Первой мировой войны // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2024. № 1. С. 214–228. DOI: 10.36718/2500-1825-2024-1-214-228.

Ivan Ivanovich Voronov¹, Vladimir Ivanovich Panteleev²✉

¹ St. Petersburg State University of Telecommunications named after prof. M.A. Bonch-Bruevich, St. Petersburg, Russia

² Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia

¹ ivan.voronov@mail.ru

² vpanteleev@yandex.ru

'THE RADICAL CHANGES' ESSAY IN THE TSARIST GOVERNMENT FINANCIAL POLICY AND THE ATTEMPT TO CREATE A CENTRAL BANK IN RUSSIA DURING THE FIRST WORLD WAR

The paper, in the context of the Stolypin agrarian reform, examines the issue of appointing P.L. Bark Minister of Finance. The most important reason for the influential statesman, president of land management and agriculture A.V. Krivoshein, who was directly responsible for the implementation of agrarian policy, to promote P.L. Bark in every possible way was his desire to expand lending to the agricultural sector of the economy. At the same time, it is seen that the relationship between these state dignitaries could have hidden personal selfish motives. It is shown that the leaders of the world banking community of the late 19th and early 20th centuries, represented primarily by the Rothschild clan, paid commissions to representatives of the tsarist government when issuing loans to Russia. The authors do not exclude that similar practices took place during the First World War. The country's debt dependence on world bankers increased significantly, thanks to the "radical changes" of financial policy undertaken by P.L. Bark as Minister of Finance and supported by Nicholas II. Prohibition, which was implemented by P.L. Bark became one of the reasons for the emergence and significant increase in the state budget deficit. At the beginning of the 20th century Russia was the only one of the most developed countries in the world where there was no full-fledged Central Bank, as a formally national institution, but actually acting as a "bank of banks", a conductor of the interests of bankers in monetary policy. This was one of the reasons for the emergence of the P.L. Bark's project to transform the State Bank into the Central Bank. The revolution of 1917 prevented the implementation of this plan and the inclusion of Russia in the system of central banks of the world.

Keywords: A.V. Krivoshein, P.L. Bark, GUZiZ, Ministry of Finance, State Bank, Central Bank, First World War

For citation: Voronov I.I., Panteleev V. 'The radical changes' essay in the tsarist government financial policy and the attempt to create a Central Bank in Russia during the First World War // Socio-economic and humanitarian journal. 2024. № 1. S. 214–228. DOI: 10.36718/2500-1825-2024-1-214-228.

Введение. В отечественной историографии существует значительный пласт литературы о финансовой политике царского правительства в годы Первой мировой войны и роли в ее реализации последнего министра финансов Российской империи П.Л. Барка. Вместе с тем, с нашей точки зрения, не все аспекты темы получили должное освещение. Цель

настоящей статьи двоякая. С одной стороны, делается попытка раскрыть внутренние, скрытые причины восхождения П.Л. Барка на пост министра финансов. С другой стороны, при анализе финансовой политики царского правительства в годы Первой мировой войны делается акцент на весьма значимый, но фактически обойденный вниманием историков и экономи-

ствов сюжет его деятельности, связанный с попыткой преобразования Государственного банка России в Центробанк.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения особенностей эволюции ведомств для совершенствования механизма государственного управления на современном этапе. **Новизна исследования** видится в том, что авторами раскрываются и уточняются ранее неизвестные аспекты функционирования государственного аппарата Российской империи.

Результаты исследования и их обсуждение. Деньги для Столыпинской аграрной реформы. В начале XX века сельское хозяйство России находилось в затяжном кризисе. Для решения сельскохозяйственных проблем в 1906 г. была начата Столыпинская аграрная реформа. Однако низкая (по сравнению с другими отраслями) доходность и малоземелье значительной части крестьянства тормозили приток капиталов и требовали государственных гарантий при капиталовложении в земледелие. Немалых расходов требовали и сами преобразования, их финансовое обеспечение со временем превратилось в основную проблему. Реформа способствовала углублению капиталистического развития деревни и создавала отсутствовавшие ранее условия для эффективного использования ссудного капитала в аграрном секторе экономики. На первый план вышла задача организации условий для эффективного его кредитования [1, с. 71–72].

Осуществлением аграрной реформы занималось Главное управление землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ), а основным рычагом решения аграрного вопроса был Крестьянский банк Министерства финансов. В 1906–1913 гг. стоимость приобретенных у Крестьянского банка и с его помощью земель равнялась 1199,2 млн руб., в том числе 190,2 млн руб. было уплачено из крестьянских средств, а 928,9 млн руб. банковскими ссудами. В 1907–1913 гг. землестроительные работы составили 134,4 млн руб., переселение за Урал – 162 млн руб. (вместе с переселенческими ссудами).

Часть расходов (56,3 млн руб.) по землеустройству и организации агрономической помощи оплатило земство. В эти расходы не включались средства на первоначальное обустройство и интенсификацию хозяйства. При этом самостоятельные возможности ГУЗиЗ по кредитованию крестьян были ограничены. В 1907–1915 гг. крестьянам в Европейской России ГУЗиЗ выдало ссуд всего на 32,9 млн руб., безвозвратных пособий – на 1,3 млн руб. Из фонда земельных улучшений ГУЗиЗ в 1897–1913 гг. крестьянским обществами было передано 1,7 млн руб. и часть из 3,6 млн руб., выданных земствам как посредникам [1, с. 72].

В 1910 г. глава ГУЗиЗ А.В. Кривошеин при поддержке премьер-министра П.А. Столыпина предложил увеличить финансирование реформы. Для этого следовало учредить государственный Сельскохозяйственный банк [2, с. 73–74] и реорганизовать ГУЗиЗ в Министерство земледелия, передав ему Крестьянский банк. Реорганизация не состоялась, но 28 мая 1911 г. А.В. Кривошеин договорился с министром финансов В.Н. Коковцовым. А.В. Кривошеин соглашался отказаться от создания Сельскохозяйственного банка и не настаивал на переподчинении Крестьянского банка. В.Н. Коковцов в свою очередь согласился на превращение Крестьянского банка в бессловный Государственный земельный банк, обеспечивающий осуществление Столыпинской реформы. Но это было временное решение. В.Н. Коковцов был противником как расходования свободных средств, так и приоритетного кредитования аграрного сектора. Именно из-за этого А.В. Кривошеин и добивался подчинения себе Сельскохозяйственного и Крестьянского банков [2, с. 75–76].

В начале лета 1911 г. П.А. Столыпин решил заменить на посту министра финансов В.Н. Коковцова. Министр торговли С.И. Тимашев и А.В. Кривошеин предложили ему поставить на этот пост друга последнего П.Л. Барка [2, с. 166], который как раз выступил с популистской запиской о национализации кредита. По свидетельству вице-директора Де-

партамента полиции С.П. Белецкого, П.А. Столыпин задумывался о сокращении влияния иностранного банковского капитала на русские банки. П.А. Столыпин познакомился с П.Л. Барком на этой почве [3, с. 245].

Чиновник и банкир. Петр Людвигович Барк с юных лет был готов на все для построения карьеры (рис.). Он

родился в протестантской семье. В 1891 г. закончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета и поступил на службу в Особенную канцелярию по кредитной части Министерства финансов. Тогда же сменил отчество на Львович. Видимо, смена отчества совпала и с принятием им православия.

Петр Львович Барк. Фото предположительно 1915 года

В 1892–1898 гг. он неоднократно стажировался в Германии, Франции, Голландии и Англии, в том числе в Берлинском банкирском доме Мендельсонов [4, с. 11–12]. Как отмечал в своих мемуарах С.Ю. Витте, именно он отправил П.Л. Барка учиться банковскому делу у Мендельсонов [5, с. 112]. Там его заметили, а один из крупных немецких банкиров даже предложил сотрудничество [6, с. 382]. В 1897 г. П.Л. Барк был назначен одним из директоров Петербургской

конторы Государственного банка, а в 1900 г. женился на баронессе С.Л. Берг, которая была старше его на два года.

В 1898–1899 гг. он вошел в руководство заграничными отделениями Государственного банка России: Ссудного банка Персии и Русско-Китайского банка. За время работы в заграничных отделениях Государственного банка П.Л. Барк показал себя человеком, не чуравшимся подлога и сторонником привлечения иностранного капитала [4, с. 12, 20–21].

В 1901 г. П.Л. Барк был назначен действительным членом фондового отдела Санкт-Петербургской биржи и членом его совета, а в 1906 г. товарищем управляющего Государственным банком С.И. Тимашева. Уже через три месяца [7, с. 61, 651] начальник ходатайствовал о пожаловании П.Л. Барку придворного чина, но неудачно. Вскоре, имея обширные связи среди банкиров, П.Л. Барк вышел в отставку.

В 1907–1911 гг. он возглавлял один из крупнейших российских коммерческих банков – Волжско-Камский. Являясь топ-менеджером частного банка, П.Л. Барк не оставлял попыток продвинуться и по чиновной лестнице. Так, 20 августа 1910 г. Совет фондового отдела Петербургской биржи ходатайствовал о представлении П.Л. Барку чина действительного статского советника, но неудачно. А незадолго перед уходом из банка П.Л. Барк оказался замешан в скандале. Его обвинили в присвоении акций Волжско-Камского банка стоимостью в 250 тыс. руб. [4, с. 22–23, 26–27].

Таким образом, хотя П.Л. Барк и был известным топ-менеджером, он не подходил для должности министра как минимум по двум основаниям. Он не имел безупречной репутации и необходимого чиновного стажа, который еще требовалось заработать. Но ему повезло, поскольку как раз освободилось место товарища министра торговли и промышленности. А.В. Кривошеин убедил П.Л. Барка принять эту должность с перспективой возглавить Министерство финансов. При этом будущий оклад министра был ниже его прежней зарплаты на 137 тыс. руб. в год [2, с. 166]. 10 августа 1911 г. назначение состоялось [7, с. 61], но случившееся вскоре убийство П.А. Столыпина расстроило этот план.

Так, неожиданно для себя П.Л. Барк вместо почти гарантированной должности министра финансов застрял в статусе помощника министра торговли. Положение министра финансов В.Н. Коковцова, наоборот, упрочилось. 9 сентября 1911 г. он возглавил правительство при оставлении в занимаемых должностях [7, с. 303]. Однако А.В. Кривошеин не отказался от идеи

отстранить В.Н. Коковцова от власти, а П.Л. Барк тем временем получал необходимый чиновный стаж и налаживал связи среди высшей бюрократии.

В.Н. Коковцов был достаточно эффективен, как представитель бюрократии, совмещающий посты министра финансов и председателя Совета министров. После Первой русской революции расходные обязательства государства непрерывно росли, но доходы государственного бюджета неизменно пре-вышали расходы. К началу Первой мировой войны свободная наличность государственного казначейства «достигла внушительной цифры в 518 миллионов рублей» [8, с. 259].

Вместе с тем В.Н. Коковцов уже в 1913 г. снискал почти всеобщую непопулярность в Государственной думе, прессе, у промышленников, двора и даже императрицы [2, с. 167]. Поэтому идея о смене министра финансов вновь встала на повестку дня.

Рескрипт императора. Сам П.Л. Барк отмечает особую роль в его назначении на пост министра финансов А.В. Кривошеина. По его словам, в 1913 г. этот пост Николай II предлагал А.В. Кривошеину, но последний отказался, предложив кандидатуру П.Л. Барка. В этом разговоре царя и А.В. Кривошеина также ставился вопрос о необходимости реформы финансовой системы страны.

26 января 1914 г. в Царском селе состоялась аудиенция Николая II с П.Л. Барком. На ней П.Л. Барк, по его словам, отметил, что «нельзя строить благополучие казны на продаже водки, которая подрывает народное благосостояние, необходимо ввести возможно скорее подоходный налог и принять все меры для сокращения потребления водки» [9, с. 61]. Император эти взгляды импонировали.

30 января 1914 г. В.Н. Коковцова на посту председателя Совета министров сменил И.Л. Горемыкин, а в Министерстве финансов П.Л. Барк, вначале назначенный управляющим, 6 мая был утвержден в должности [7, с. 61, 182]. В рескрипте царя от 30 января 1914 г. на имя П.Л. Барка

(написанном А.В. Кривошеиным) подчеркивалась необходимость «коренных преобразований» в финансовой политике. Как явствует из его текста, путешествие по нескольким великорусским губерниям позволило царю увидеть «печальные картины народной немощи, семейной нищеты и заброшенных хозяйств, неизбежные последствия нетрезвой жизни и подчас народного труда, лишенного в тяжелую минуту нужной денежной поддержки путем правильно поставленного и доступного кредита». Иными словами, Николай II давал понять, что он выступает за борьбу с пьянством и расширение кредитной поддержки населения страны, в первую очередь крестьян. Царь отметил, что он поддерживает высказанные в Государственной думе и Государственном совете мнения о необходимости «пересмотра законов о казенной продаже питья». Прямо о необходимости введения подоходного налога не было сказано в этом документе. Но вместе с тем подчеркивалось, что «необходимо направить финансовую политику к изысканию государственных доходов, добываемых из неисчерпаемых источников государственных богатств и от народного производительного труда при соблюдении разумной бережливости» [9, с. 63–64].

Рескрипт являлся посланием императора обычно к высшей бюрократии. Рескрипты сопровождали награждение либо отставку и гораздо реже назначение главы ведомства. Рескрипт мог возлагать на адресата и обязанности, и пожелания монарха. Составляли рескрипты старшие делопроизводители ведомства адресата, а в особых случаях специально назначенный человек. Некоторые императоры (в том числе Николай II) самостоятельно составляли или редактировали их тексты. Поэтому рескрипт ценился сам по себе, даже без другой награды. С помощью рескрипта монарх объяснял действия правительства и задавал направление развития [10, с. 281]. Назначение на должность, сопровождаемое выпуском именного рескрипта, являлось явлением чрезвычайно редким. Представляется,

что Николай II, подписывая этот документ, понимал, что П.Л. Барку предстоит реализовывать во многом непопулярные меры и давал ему не просто аванс за будущую работу, но и оказывал личную политическую поддержку.

П.Л. Барк не был единственным кандидатом на должность министра финансов. Кроме него, возможность получить портфель министра была у директора Кредитной канцелярии – особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов Л.Ф. Давыдова и министра путей сообщения С.В. Рухлова. К тому же П.Л. Барк был не особо популярен среди чиновников. Из-за популистского поведения в Государственной думе отдельные представители высшей бюрократии относились к П.Л. Барку «недружелюбно», считая его неискренним и некомпетентным. А после его назначения министром почти все руководство ведомства по собственной инициативе оставило свои посты.

Тем не менее П.Л. Барк имел серьезные преимущества. Через стажировки в европейских банках и руководство зарубежными филиалами Госбанка России он был хорошо известен финансистам Запада. Благодаря работе в руководстве фондового отдела Петербургской биржи, Госбанке и особенно в Волжско-Камском банке, он был тесно связан с частными банками, придворными кругами и императорской фамилией. Кроме того, он сумел подружиться (возможно небескорыстно) с влиятельным главой ГУЗиЗ А.В. Кривошеиным, во многом благодаря интригам которого, влиянию В.П. Мещерского и придворной камарильи, П.Л. Барк стал министром [4, с. 12, 22, 24, 27–28, 31–32].

Политика «коренных преобразований». Целями своей политики П.Л. Барк провозгласил противоречавшие друг другу охрану бюджетного равновесия и крупные производительные затраты за счет привлечения частных займов. Осуществить эти цели он предполагал посредством ликвидации «пьяного бюджета» и введения подоходного налога. Хотя, на наш взгляд, это были лишь за-

дачии, настоящую цель своей политики он озвучивать не стал.

Что касается усиления финансирования аграрной реформы, то, несмотря на рост влияния А.В. Кривошеина в правительстве, ситуация почти не изменилась. Так, вместо Сельскохозяйственного банка П.Л. Барк лишь пообещал создать некое «особое банковое учреждение» и обеспечил незначительную поддержку аграрной реформы. Совет министров поддержал предложение ГУЗиЗ выделить в 1915–1919 гг. 150 млн руб. на мелиоративные работы в основном для развития хлопководства Средней Азии и Закавказья. Также был утвержден Особый журнал Совета министров с предложением ограничения акционерного землевладения. А.В. Кривошеин, выступивший фактически главным организатором отставки В.Н. Коковцова из-за недостаточного финансирования последним аграрной реформы, в общем согласился с позицией П.Л. Барка [1, с. 77–78].

На рубеже XIX–XX вв. Россия занимала 11-е место среди европейских стран и США по потреблению абсолютного алкоголя (всех спиртных напитков) и 9-е место по потреблению 40° водки. Душевое потребление спиртного в городах составляло 1,56 ведра, в селах – 0,45, то есть деревня не спивалась. Крестьяне употребляли алкоголь в основном в большие праздники. Однако идея искоренения пьянства была достаточно актуальна. Официально считалось, что частная торговля алкоголем спаивает и обирает население, а государственная за счет упорядочивания и гарантии качества способствует постепенному уменьшению пьянства [11, с. 428–429].

Подобное понимание вопроса было вполне разумным, особенно с учетом огромных затрат на аграрную реформу. Поэтому радикальная борьба с пьянством посредством ограничения казенной торговли алкоголем была по меньшей мере неразумна. Однако общественное мнение считало иначе. Не устраивавшая частный бизнес государственная винная монополия стала объектом критики. В прессе и Государственной Думе

бюджет открыто называли «пьяным», а власть обвиняли в целенаправленном спаивании народа [12, с. 107].

Проблема обострилась перед Первой мировой войной. По проекту бюджета на 1914 г., подготовленным под руководством В.Н. Коковцова, доходы государства от винной монополии должны были составить свыше 900 млн руб. [12, с. 107], то есть четвертую их часть [4, с. 60]. Между тем война привела к резкому увеличению расходов, когда один ее день стоил 3 млн руб. [13, с. 1235]. И в этих условиях П.Л. Барк добился введения «сухого закона», хотя ему потребовалось два года на компенсацию потерь. Всего, по мнению финансового эксперта кадетов А.И. Шингарева, к середине 1917 г. сухой закон лишил казну 2,5 млрд руб., что составило около 10 % затрат на войну. Косвенно «сухой закон» способствовал инфляции, так как вместо алкоголя люди стали чаще покупать потребительские товары, что вызвало повышение цен.

В свете страданий и лишений значительной части населения «сухой закон» вызвал рост недовольства, а народ стал искать альтернативу водке. В итоге возросло употребление суррогатов алкоголя, расширилось самогоноварение, контрабанда и подпольная торговля спиртным. В Сибири стало развиваться употребление наркотиков [14].

С другой стороны, в 1915 г. потребление водки упало до 0,2 ведра на душу населения. В промышленности производительность труда увеличилась на 10–13 %, а количество прогулов снизилось на 27–30 %. Уменьшилось число производственного травматизма и преступлений, совершаемых в нетрезвом состоянии [12, с. 107–108].

Не отрицая положительных последствий ограничения продажи спиртных напитков, отметим ограниченность этой меры. Большинство положительных моментов «сухого закона» можно объяснить мобилизацией значительной части мужского населения в армию и заменой их на производстве женщинами и подростками.

В начале XX в. налоговая система России была достаточно устаревшей. Среди налогов косвенное обложение преобладало над прямым при наличии сборов по сословному принципу; отсутствовал подоходный принцип обложения; налоговое законодательство не было кодифицировано. Внесенный Министерством финансов в 1907 г. во II Государственную Думу проект закона о подоходном налоге остался нерассмотренным. Не был он рассмотрен и в Государственной Думе 3-го созыва. Подобная ситуация была вызвана не только сложностью взимания подоходного налога, нежеланием лишать опору престола дворянство привилегий и усиливать положение буржуазии. В проекте закона имелись элементы прогрессивного налогообложения, что не устраивало наиболее обеспеченные слои населения. В то же время в большинстве европейских государств, за исключением Франции и стран Балканского полуострова, уже существовал подоходный налог [13, с. 1231].

В 1913 году в Конституцию США была внесена поправка, разрешающая взимание подоходного налога. По мнению В.Ю. Катасонова, это стало отправной точкой для создания в этом же году американского Центробанка – Федеральной резервной системы (ФРС), так как «подоходный налог давал источник денег для оплаты процентов по долгу правительства перед ФРС». Усматривается также прямая зависимость между началом в 1914 году Первой мировой войны и учреждением ФРС. «Война теперь была нужна банкирам для того, чтобы правительство наращивало свои военные расходы и заимствовало необходимые средства у ФРС, обогащая тем самым главных акционеров Федеральных резервных банков», – отмечает В.Ю. Катасонов [15, с. 40].

Подоходный налог П.Л. Барк смог ввести только 6 апреля 1916 г. Предметом обложения служил любой годовой доход, а минимальная ставка была 850 руб. в год. Налогообложение было дифференцированным и прогрессивным с потолком в 12,5 %. В 1917 г. от подоходного

налога ожидали 130 млн руб., от других прямых налогов – 566,1, от косвенных налогов – 1099,1 млн руб. Однако оценить эффективность подоходного налога невозможно, поскольку запланированная сумма не была собрана [13, с. 1231, 1237–1239]. Тем не менее подоходный налог упорядочивал налогообложение в России, делая ее более привлекательной для международных банкиров, интересы которых П.Л. Барк в значительной мере представлял в России.

Попытка создания Центрального банка. Система центральных банков лежит в основе глобального финансово-экономического управления. Смысл ее заключается в приобретении частным олигархическим, преимущественно банковским, капиталом возможностей контроля над валютными активами большинства стран мира. При этом сохраняется видимость национальной привязки центральных банков, как будто они находятся под контролем суверенных государств [16, с. 337].

К моменту назначения П.Л. Барка на пост министра финансов из наиболее развитых стран только Россия не имела Центрального банка. Но без России мировые банкиры, среди которых на тот момент ведущее положение занимал клан Ротшильдов, не могли укрепить свою власть путем объединения подконтрольных ей центральных банков и учреждения «мирового центробанка». Правительство России полностью контролировало национальную валюту и финансы, а значит, банкиры не могли перехватить управление.

Изначально учрежденный в 1860 г. Центральный банк России был государственным [16, с. 338–339]. За первоначальный образец проекта его устава брался соответствующий документ Банка Франции, адаптированный к российским реалиям. Однако правящие круги отказались от идеи придания Госбанку статуса «государственной акционерной компании» [17]. Не получил он и право на эмиссию банкнот, хотя проект это предусматривал [18]. Согласно 123 статье Устава Госбанка образца 1860 г., министр

финансов являлся непосредственным «главным начальником банка» [19, с. 7]. Это коренным образом отличало его от центральных банков Западной Европы, поскольку в этих странах центробанки организационно были отделены от министерств финансов и являлись частными акционерными обществами. Однако власть министра финансов несколько ограничивалась Советом государственных кредитных установлений, имевшим наблюдательные функции. Состав членов этого Совета не был детально прописан в уставе, однако, согласно ст. 112 этого документа, два депутата от него, избранные по одному от Санкт-петербургского дворянства и купечества, должны были присутствовать на заседаниях правления банка.

Согласно 1-й статье устава, Государственный банк учреждался «для оживления торговых оборотов и упрочения денежной кредитной системы» [19]. Соответственно, деятельность Госбанка России в первые десятилетия его существования была в значительной мере направлена на поощрение создания в стране «акционерных коммерческих банков, акционерных земельных банков, акционерных ломбардов и обществ взаимного кредита» [17, с. 9]. Создание в стране филиалов иностранных банков не было разрешено. На этом основании главный придворный финансист, а с 1860 года первый управляющий Госбанком России А.Л. фон Штиглиц воспрепятствовал появлению в Санкт-Петербурге банка «иноземного еврея» Ротшильда [20, с. 34]. Однако иностранным банкам разрешалось участвовать в капиталах российских банков, и это повлекло за собой значительную зависимость российской банковской системы от иностранного капитала. В начале XX в. из четырех десятков отечественных акционерных банков только два – Волжско-Камский и Торгово-промышленный – являлись именно русскими. В остальных, в том числе и наиболее крупных, так или иначе присутствовал иностранный капитал [21, с. 29].

В рамках подготовки денежной ре-

формы С.Ю. Витте (1895–1897 гг.) в 1894 году была утверждена новая редакция Устава Государственного банка. Статья 1 нового устава была дана в принципиально иной редакции: «Государственный банк имеет целью облегчение денежных оборотов, содействие посредством краткосрочного кредита отечественной торговле, промышленности и сельскому хозяйству, а также упрочение денежной кредитной системы» [22].

Таким образом, главная целеполагающая идея Госбанка России определялась как содействие экономическому росту в стране. Министр финансов уже не просто являлся непосредственным «главным начальником банка», как это было в предыдущей редакции его устава. Государственный банк непосредственно подчинялся министру финансов (ст. 24). Таким образом, направляющая и руководящая роль Министерства финансов в его деятельности с формально-юридической точки зрения усиливалась.

В Совет банка, который возглавлял его управляющий, по представлению министра финансов царем включались по представителю от дворянства и купечества, но основная часть его членов состояла из высокопоставленных чиновников Министерства финансов и руководящего ядра Госбанка России. Государственный банк стал важнейшим инструментом реализации денежной реформы С.Ю. Витте. Указом царя от 29 августа 1897 г. на Госбанк была возложена эмиссия кредитных билетов, благодаря чему создавались предпосылки для его превращения в Центральный эмиссионный банк. Выпускаемые им кредитные билеты (банкноты) почти полностью обеспечивались золотом. И если введение золотого стандарта было несомненным шагом навстречу интересам олигархии и импонировало банкирам, то государственный статус банка им был не по нраву [16, с. 340]. Поэтому следующей задачей П.Л. Барка стало преобразование Государственного банка России в Центральный банк. По словам П.Л. Барка, он «хорошо изучил за границей деятельность эмиссионных банков и предпола-

гал, что для упрочения нашего кредита наш Государственный банк, которому вверен выпуск бумажных денег, должен стать более независимым и не быть в положении одного из департаментов Министерства финансов» [23, с. 194].

Эту же идею он изложил в своем программном выступлении в Государственной Думе, состоявшемся 22 апреля 2014 г. Под крики «Браво!» и рукоплескания, он заявил о необходимости пересмотра Устава Государственного банка в целях «некоторого расширения его эмиссионного права и придания этому центральному эмиссионному учреждению большей авторитетности и независимости с привлечением в состав Совета банка общественного элемента» [24, с. 239].

Подготавливая почву для учреждения Центрального банка, он решил назначить главой Государственного банка чиновника со статусом члена Государственного совета. Это преобразование еще не выводило Государственный банк из Министерства финансов, но значительно увеличивало самостоятельность управляющего Государственным банком. На эту должность П.Л. Барк решил назначить хорошо ему знакомого И.П. Шипова, ранее возглавлявшего Министерство финансов и Министерство торговли и промышленности. Но осуществить эту комбинацию было непросто. Формального запрета на совмещение этих должностей не было, но по традиции член Государственного совета не мог возглавлять правительственные структуры. Вначале П.Л. Барк пытался уладить этот вопрос с помощью А.В. Кривошеина, но тот оказался противником реформы Государственного банка.

Тем не менее П.Л. Барк добился своего и без поддержки самого влиятельного министра. 22 апреля 1914 г. И.П. Шипов был назначен управляющим Государственного банка с оставлением в должности члена Государственного совета. Однако против выступил председатель Государственного совета И.Я. Голубев, и 1 января 1915 г. И.П. Шипов был выведен из числа присутствующих членов верхней палаты. Но

П.Л. Барк не отступил, и 29 декабря 1915 г. И.П. Шипову был возвращен статус присутствующего члена Государственного совета с оставлением в должности управляющего Государственным банком.

И.П. Шипов стал «наиболее верным сотрудником» П.Л. Барка, помогавшим ему «по многим вопросам, которые не имели прямого отношения к Государственному банку». Однако, как сетует П.Л. Барк, «срочные вопросы, вызванные войной, заставили меня отложить перемены, которые он хотел ввести в Государственном банке» [23, с. 194–198].

Долговая зависимость России и личный интерес. За назначением П.Л. Барка стояли разные политические силы. К тому же и А.В. Кривошеин, и В.П. Мещерский, и придворная камарилья считали П.Л. Барка своим человеком на посту министра финансов. Но П.Л. Барк был ставленником и мировых банкиров. О том, что истинной целью его политики было установление контроля над финансовой системой России со стороны олигархического капитала, вскоре стало понятно многим. Так, депутат Государственной думы А.Н. Хвостов, позднее ставший министром внутренних дел, в своей знаменитой речи о немецком заисьле в августе 1915 года заявил, что «министр финансов отдает предпочтение интересам банковских кругов перед интересами России» [25, с. 15].

Во время войны П.Л. Барк занимался организацией заграничных займов России под залог золота. И под предлогом обсуждения положения евреев в России П.Л. Барк в 1915 г. встречался с главой клана Ротшильдов и членами его семьи [6, с. 210]. К слову, именно в этом году П.Л. Барк вступил в ряды масонов [26, с. 191], которых активно поддерживали и направляли с конца XVIII в. Ротшильды. Конечно, нельзя преувеличивать роль масонов в годы Первой мировой войны. Однако они контролировали значительную часть общероссийских газет и были достаточно широко представлены как в окружении царя, так и российском правительстве и Государственной думе [26,

с. 64–73]. Нельзя исключить, что это и помогло П.Л. Барку пережить «министерскую чехарду» 1916 г., и он оказался одним из двух министров, которому удалось удержаться на своем посту вплоть до революции [4, с. 11]. В конечном итоге под обеспечение займов в 1914–1917 гг. в Англию было отправлено свыше 500 т золота на сумму 68 млн фунтов стерлингов. Из них 20 млн фунтов получила Япония. В результате Великобритания выполнила свои обязательства только на 5 %, но русское золото возвращено не было [27, с. 1231].

Имел ли П.Л. Барк личный интерес при привлечении иностранных займов? На эту тему нет достаточных документальных данных. Вообще, западноевропейские банкиры не склонились давать комиссионные посредникам, когда им удавалось совершить сделку по представлению займов царскому правительству. Например, как вспоминает С.Ю. Витте, за первый русский заем во Франции Ротшильды выплатили чиновнику особых поручений Министерства финансов Илье Циону до 200 тысяч франков [5, с. 215]. За вторую операцию, связанную с конверсией прежних займов и представление нового, группа банкиров во главе с Ротшильдами перечислила на счет министра финансов России И.А. Вышнеградского 500 тысяч франков. Правда, С.Ю. Витте отмечает, что его предшественник на посту министра финансов из этой суммы себе ничего не взял, а поделил ее между теми, кто до его подключения к переговорам непосредственно участвовал в организации сделки [5, с. 215, 224–226]. Но факт остается фактом. Банкиры закладывали в свои бюджеты определенные суммы на комиссионные за заключение договоров о займах России. И совсем не факт, что они их не выплачивали.

В своих воспоминаниях П.Л. Барк очень тепло отзывается о канцлере казначейства (министре финансов), а впоследствии и премьер-министре Великобритании Д. Ллойд Джордже. По словам П.Л. Барка, Ллойд Джордж высказал ему свое восхищение по поводу введения в

России сухого закона [28, с. 82]. Эту позицию канцлер британского казначейства публично озвучивал и в палате общин, заявив 4 (17) ноября 1914 г.: «Это, по моему мнению, один из величайших актов национального героизма, равного которому никогда не обнаруживала ни одна страна перед лицом серьезной опасности» [4, с. 36].

Объяснить подтекст подобных сен-тентий нетрудно. Российское правительство из-за сухого закона в условиях войны вынуждено было в особенно широких объемах занимать деньги за рубежом, в первую очередь в Англии и Франции. В залог обеспечения займов в заморские погреба поступало российское золото, то есть никаких рисков при их выдаче ни Банк Англии, ни Банк Франции не имели. Россия была идеальным заемщиком для банкиров. Кроме того, обычно, во всяком случае, когда займы брались у Банка Англии, они выдавались под закупки военного снаряжения, других товаров в первую очередь именно в этой стране [29]. Иными словами, Россия, влезая в долги, помогала развитию экономики Туманного Альбиона.

О том, что П.Л. Барк не гнушался получать комиссионные от совершенных сделок, будучи на государственной службе, свидетельствует тот факт, что в 1936 г. он написал письмо, сохранившееся в архивах, на имя руководителя Банка Англии (Bank of England) с просьбой выделить ему 10-ю часть с процентов от царского вклада в 6 млн фунтов стерлингов, исполнителем которого он являлся [27, с. 1233].

После революции П.Л. Барк был достойно вознагражден мировыми банкирами. Он перебрался в Англию, где возглавил Anglo-Интернациональный банк, занимавшийся послевоенным восстановлением Австрии, Венгрии и Болгарии. Ряд европейских банков пригласили его в их административный совет. По поручению английского короля Георга V он был представителем вдовствующей императрицы Марии Федоровны и ее дочерей Ксении и Ольги [25, с. 389–390]. В 1928 г. после смерти Марии Федоровны

П.Л. Барк по поручению Георга V вывез принадлежащую ей коллекцию драгоценностей в Англию. Это были уникальные предметы, в число которых могли входить коронные бриллианты России. Большинство этих ценностей было приобретено английской королевой Марией [30, с. 7, 529–531]. За это в 1929 г. П.Л. Барк получил «Большой крест ордена Виктории», а в 1935 г. английское подданство и титул баронета [6, с. 390].

Заключение. Согласно устоявшейся традиции, в дореволюционной России только два министра имели право совмещать пост председателя совета министров: министр внутренних дел и министр финансов. Экономическая политика в стране определялась в первую очередь министром финансов. В силу разного рода факторов в годы Первой мировой войны пост министра финансов занимал П.Л. Барк. Немалую роль в его назначении на эту должность сыграли устремления правой руки П.А. Столыпина, влиятельного министра А.В. Кривошеина усилить денежно-кредитную подпитку аграрной реформы. Как один из идеологов сухого закона, П.Л. Барк способствовал тому, чтобы финансовые возможности страны ослабевали. Долговая зависимость России от иностранных за-

имствований усиливалась. Не исключено, что сам П.Л. Барк имел личную заинтересованность при размещении государственных займов за рубежом. Реально, проводя на национальном уровне политику «коренных преобразований» в финансовой политике, он отражал интересы и мирового банковского сообщества, заинтересованного предоставлять займы России на фактически безрисковых условиях под залог золота. Значительная часть полученных от займов средств шла на приобретение товаров за рубежом, в первую очередь в странах Антанты, которые эти займы предоставляли. Таким образом, Россия помогала развитию экономики своих союзников по военно-политическому блоку. Предпринятая П.Л. Барком налоговая реформа, связанная с введением подоходного налога, не успела принести существенные результаты. Попытка П.Л. Барка реорганизовать Государственный банк России в Центральный банк не увенчалась успехом, так как была прервана революцией 1917 г. Мировым банкирам в ту пору не удалось подчинить себе банковскую систему России. Но зато им досталось русское золото, направленное Россией в качестве залога в обеспечение займов.

Список источников

1. *Дякин В.С.* Деньги для сельского хозяйства (Выбор пути экономического развития России. 1892–1914 гг.) // История СССР. 1991. № 3. С. 64–82.
2. Судьба века. Кривошеины. СПб., 2002. 416 с.
3. Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства / под ред. П.Е. Щеголева. М.: Госиздат, 1926. Т. 4. 535 с.
4. *Беляев С.Г.* П.Л. Барк и финансовая политика России. 1914–1917 гг. СПб.: Издво СПбГУ, 2002. 620 с.
5. *Витте С.Ю.* Воспоминания. Полное издание в одном томе. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2010. 1247 с.
6. *Барк П.Л.* Воспоминания последнего министра финансов императорской России. М.: Книга по Требованию, 2015. 393 с.
7. *Шилов Д.Н.* Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений 1802–1917 гг. СПб.: Д. Буланин, 2001. 830 с.
8. *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 гг. Париж, 1933. Т. 2. 420 с.
9. *Барк П.Л.* Воспоминания. Глава IV. Назначение министром финансов // Возрождение. Париж, 1965. № 157. С. 58–64.

-
10. Чернуха В.Г. Рескрипт в государственной жизни России XIX века // Государственная власть и общественность в истории центрального и местного управления России: сб. ст. памяти М.М. Шумилова / отв. редактор М.Ф. Флоринский. СПбГУ.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 277–288.
 11. Шевченко И.А., Черных Е.В. Попечительства о народной трезвости в России начала XX века: от винной монополии до «сухого закона» // Научный диалог. 2021. № 1. С. 426–450.
 12. Корчагина Г.А., Целинский Б.П., Холдин В.Н. Об истории развития антиалкогольного законодательства России // Вопросы наркологии. 2013. № 2. С. 106–119.
 13. Кравцова Е. Краеугольный камень налоговой системы: введение подоходного налога в Российской империи // Quaestio Rossica. 2019. Т. 7. № 4. С. 1229–1242.
 14. Пашков Е.В. Антиалкогольная кампания в России в годы Первой мировой войны // Собриология. 2014. № 2(2). С. 48–50.
 15. Катасонов В.Ю. Хозяева денег. 100-летняя история ФРС. М.: Алгоритм, 2014. 288 с.
 16. Павленко В.Б. Глобальная олигархия. Кланы в мировой политике: история и современность. М.: ОГИ, 2015. 720 с.
 17. Фадейкина Н.В., Демчук И.Н. О создании Государственного банка и становлении банковской системы Российской империи // Сибирская финансовая школа. 2010. № 3 (10). С. 3–15.
 18. Бугров А.В. Создание Государственного банка Российской империи // Вестник Банка России. 1999. № 15 (359).
 19. Мая 31. Высочайше утвержденный Устав Государственного банка// Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 35. Отделение первое. 1860. № 35847.
 20. Фрид А. Ротшильды. История семьи. Ростов н/Д.: Феникс, 2012. 124 с.
 21. Катасонов В.Ю. Центробанки на службе «хозяев денег». М.: Кислород, 2020. 384 с.
 22. Устав Государственного банка (Высоч. утвержденный 6 июня 1994 г.) / сост. канд. прав Н.И. Арефа. СПб.: Тип. И. Гольдберга, 1895. 156 с.
 23. Барк П.Л. Воспоминания последнего министра финансов Императорской России. М.: Кучково поле, 2017. Т. 1. 496 с.
 24. Выступление П.Л. Барка в общем собрании IV Государственной Думы (22 апреля 1914 г.) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 9. С. 232–244.
 25. Борьба с немецким засильем. Речь члена Государственной Думы А.Н. Хвостова в Государственной Думе в заседании 3 августа 1915 г. Пг., 1915. 32 с.
 26. Платонов О.А. Масоны в русской истории XX века. М.: Родная страна, 2014. 384 с.
 27. Фетисов В.Д. К вопросу о финансовом аспекте финальных отношений императора Николая II и короля Георга V // Финансы и кредит. 2021. Т. 27. № 6. С. 1220–1240.
 28. Барк П.Л. Воспоминания. Глава V. Запрещение спиртных напитков // Возрождение. Париж, 1965. № 158. С. 76–89.
 29. Записка министров иностранных дел и финансов Временного правительства английскому правительству о предоставлении кредитов России до заключения нового русско-английского финансового соглашения // Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Ч. 2. М.; Л., 1957. С. 542–548.
 30. Зимин И.В. Царские деньги. Доходы и расходы Дома Романовых. Повседневная жизнь Российского императорского двора. М.: Центрполиграф, 2011. 686 с.

References

1. *Dyakin V.S.* Den'gi dlya sel'skogo khozyajstva (Vybor puti ehkonomiche-skogo razvitiya Rossii. 1892–1914 gg.) // Istorija SSSR. 1991. № 3. S. 64–82.
2. Sud'ba veka. Krivosheiny. SPb., 2002. 416 s.
3. Padenie carskogo rezhima. Stenograficheskie otchety doprosov i po-kazanij, dannykh v 1917 g. v Chrezvychajnoj Sledstvennoj Komissii Vremennogo Pravitel'stva / pod red. P.E. Shchegoleva. M.: Gosizdat, 1926. T. 4. 535 s.
4. *Belyaev S.G. P.L. Bark i finansovaya politika Rossii. 1914 – 1917 gg.* SPb.: Izd-vo SPBGU, 2002. 620 s.
5. *Vitte S.YU. Vospominaniya. Polnoe izdanie v odnom tome.* M.: AL'FA-KNIGA, 2010. 1247 s.
6. *Bark P.L. Vospominaniya poslednego ministra finansov imperatorskoj Rossii.* M.: Kniga po Trebovaniyu, 2015. 393 s.
7. *Shilov D.N. Gosudarstvennye deyateli Rossijskoj imperii. Glavy vysshikh i central'nykh uchrezhdenij 1802–1917 gg.* SPb.: D. Bulanin, 2001. 830 s.
8. *Kokovcov V.N. Iz moego proshlogo. Vospominaniya. 1903–1919 gg.* Parizh, 1933. T. 2. 420 s.
9. *Bark P.L. Vospominaniya. Glava IV. Naznachenie ministrom finansov // Vozrozhdenie.* Parizh, 1965. № 157. S. 58–64.
10. *Chernukha V.G. Reskript v gosudarstvennoj zhizni Rossii XIX veka // Gosudarstvennaya vlast' i obshchestvennost' v istorii central'nogo i mestnogo upravleniya Rossii: sb. st. pamyati M.M. Shumilova / otv. redaktor M.F. Flo-rinskij.* SPBGU.: Izd-vo SPBGU, 2004. S. 277–288.
11. *Shevchenko I.A., Chernykh E.V. Popechitel'stva o narodnoj trezvosti v Rossii nachala KHKH veka: ot vinnoj monopolii do «sukhogo zakonA» // Nauchnyj dialog.* 2021. № 1. S. 426–450.
12. *Korchagina G.A., Celinskij B.P., Kholdin V.N. Ob istorii razvitiya antialkogol'nogo zakonodatel'stva Rossii // Voprosy narkologii.* 2013. № 2. S. 106–119.
13. *Kravcova E. Kraeugol'nyj kamen' nalogovoj sistemy: vvedenie podokhodnogo naloga v Rossijskoj imperii // Quaestio Rossica.* 2019. T. 7. № 4. S. 1229–1242.
14. *Pashkov E.V. Antialkogol'naya kampaniya v Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny // Sobriologiya.* 2014. № 2(2). S. 48–50.
15. *Katasonov V.YU. Khozyaeva deneg. 100-letnyaya istoriya FRS.* M.: Algoritm, 2014. 288 s.
16. *Pavlenko V.B. Global'naya oligarkhiya. Klany v mirovoj politike: istoriya i sovremenost'.* M.: OGI, 2015. 720 s.
17. *Fadejkina N.V., Demchuk I.N. O sozdaniii Gosudarstvennogo banka i stanovlenii bankovskoj sistemy Rossijskoj imperii // Sibirskaya finansovaya shkola.* 2010. № 3 (10). S. 3–15.
18. *Bugrov A.V. Sozdanie Gosudarstvennogo banka Rossijskoj imperii // Vestnik Banka Rossii.* 1999. № 15 (359).
19. Maya 31. Vysochajshe utverzhdenyyj Ustav Gosudarstvennogo banka// Polnoe so-branie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 2-e. T. 35. Otdelenie pervoe. 1860. № 35847.
20. *Frid A. Rotshil'dy. Istorija sem'i.* Rostov n/D.: Feniks, 2012. 124 s.
21. *Katasonov V.YU. Centrobanki na sluzhbe «khozyaev deneG».* M.: Kislorod, 2020. 384 s.
22. Ustav Gosudarstvennogo banka (Vysoch. utverzhdenyyj 6 iyunya 1994 g.) / sost. kand. prav N.I. Arefa. SPb.: Tip. I. Gol'dberga, 1895. 156 s.
23. *Bark P.L. Vospominaniya poslednego ministra finansov Impera-torskoj Rossii.* M.: Kuchkovo pole, 2017. T. 1. 496 s.

-
- 24. *Vystuplenie P.L. Barka v obshchem sobranii IV Gosudarstvennoj Dumy* (22 aprelya 1914 g.) // *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina* (MGYUA). 2020. № 9. S. 232–244.
 - 25. Bor'ba s nemeckim zasil'em. Rech' chlena Gosudarstvennoj Dumy A.N. Khvostova v Gosudarstvennoj Dume v zasedanii 3 avgusta 1915 g. Pg., 1915. 32 s.
 - 26. *Platonov O.A. Masony v russkoj istorii XX veka*. M.: Rodnaya strana, 2014. 384 s.
 - 27. *Fetisov V.D. K voprosu o finansovom aspekte final'nykh otnoshe-nij imperatora Nikolaya II i korоля Georga V* // *Finansy i kredit*. 2021. T. 27. № 6. S. 1220–1240.
 - 28. *Bark P.L. Vospominaniya*. Glava V. Zapreshchenie spirtnykh napitkov // *Vozrozhdenie*. Parizh, 1965. № 158. S. 76–89.
 - 29. *Zapiska ministrov inostrannykh del i finansov Vremennogo pravitel'stva anglijskomu pravitel'stu o predostavlenii kreditov Rossii do zaklyucheniya novogo russko-anglijskogo finansovogo soglasheniya* // *Ehkonomiceskoe polozhenie Rossii nakanune Velikoj Oktyabr'skoj socialisticheskoy revolyucii*. CH. 2. M.; L., 1957. S. 542–548.
 - 30. *Zimin I.V. Carskie den'gi. Dokhody i raskhody Doma Romanovykh. Povsednevnaya zhizn' Rossijskogo imperatorskogo dvora*. M.: Centrpolygraf, 2011. 686 s.

Статья принята к публикации 10.01.2024 /
The article has accepted for publication 10.01.2024.

Информация об авторах:

Иван Иванович Воронов, профессор кафедры истории и регионоведения, доктор исторических наук, доцент

Владимир Иванович Пантелейев, доцент кафедры логистики, кандидат исторических наук

Information about the authors:

Ivan Ivanovich Voronov, Professor at the Department of History and Regional Studies, Doctor of Historical Sciences, Docent

Vladimir Ivanovich Panteleev, Associate Professor at the Department of Logistics, Candidate of Historical Sciences

